

10. Пашуто, В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В.Т. Пашуто. – М. : Институт истории, 1950. – 333 с.
11. Пашуто, В.Т. Образование литовского государства / В.Т. Пашуто. – М. : АН СССР, 1959. – 531 с.
12. Роўэл, С. Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345 / С. Роўэл; пер. з англ. мовы А. Мікуса. – Мінск : Медысонт, 2015. – 423 с.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988. – 526 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 10. – М., Наука, 1983. – 325 с.
15. Ужанков, А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. / А.Н. Ужанков. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 440 с.
16. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел; вступ. ст. и общ. ред. А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузова. – М.: Прогресс, 1989. – 296 с.
17. Чамярыцкі, В. Галіцка-Валынскі летапіс / В. Чамярыцкі // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1. – Мінск : БелЭн, 2005. – 486 с.
18. Черепнин, Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. – Т. 12. – С. 228–253.
19. Юрьева, И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями / И.С. Юрьева // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Jitka Komendová a kol. – Olomouc, 2016. – С. 65–79.
20. Янкаускас, В. Русско-литовский договор 1219 года и внутривосточные отношения в Литве в первой четверти XIII века / В.Янкаускас // Colloquia Russica. – Series I, vol. 5. – Kraków–Bratislava, 2015. – S. 115–121.
21. Gudavičius, E. Mindaugas / Lietuvos istorijos institutas / E. Gudavičius. – Vilnius : Žara, 1998. – 359 p.
22. Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. – 423 s.
23. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański. – Wrocław 1982. – 200 s.

Гагуа Р.Б., Жилевич О.Ф. ОСТРОВСКИЕ АКТЫ КНЯГИНИ АННЫ

В 1392 г. закончилась междоусобная война между князем литовским Витовтом с одной стороны и литовским князем Скиргайло с другой. В войне Витовта поддерживал Тевтонский орден, предоставивший ему в своих землях несколько замков во владение. В свою очередь значительную военную поддержку Скиргайло оказывал его родной брат, король Польши и наивысший князь литовский Ягайло. Король усилил гарнизоны ряда замков в Великом княжестве Литовском. Кроме того, Польша независимо от Скиргайло вела военные действия против Ордена на южных рубежах государства крестоносцев [7].

В 1392 г. Ягайло предпринял ряд шагов по урегулированию конфликта между Витовтом и Скиргайло. В июле 1392 г. в Риттерсвердер, где находился князь Витовт, приехал Генрих Мазовецкий. Он обратился к Витовту с просьбой выдать за него замуж свою сестру Рингайлу, на что получил согласие князя. Незамедлительно был проведён обряд бракосочетания [6, с. 647; 8, с. 179].

Генрих выполнял также тайную миссию польского короля. Он уведомил князя о желании Ягайло и Скиргайло заключить с ним мир и передать ему во владение Троцкую землю. [8, с. 179].

26 июля князь сжёг Риттерсвердер и двинулся Меттенбургу [6, с. 648; 8, с. 180]. Витовт разрушил Меттенбург, после чего подошёл к замку Нойгартен. Гарнизон замка был выслан, бургграф пленён, Нойгартен предан огню, после чего Витовт с княгиней Анной и своими людьми покинул земли Ордена [6, с. 648].

В августе 1392 г. в мении Остров близ Лиды состоялась встреча между Витовтом и Ягайло, в ходе которой, фактически, был положен конец междоусобной войне в Великом княжестве Литовском, длившейся почти 2 года. В историографии данное событие получило название Островского соглашения.

В Острове было написано три документа: один от имени Витовта и два от лица его супруги Анны [1, с. 26–29].

Хотя документ Витовта является основным из них, акты Анны представляют для историка не меньший интерес. Они являют собой типичный пример официального документального поручительства в средневековой юридической практике.

Публикации и переводы. Островские акты были введены в научный оборот ещё в XIX столетии, однако до сих пор в исторической литературе существует ряд нерешённых вопросов, связанных с датировкой, статусом и правовым содержанием этих документов. В настоящее время выполнен перевод на русский язык только одного из Островских актов, написанного от лица Витовта [7, с. 29–30]. Документы Анны на восточнославянские языки не переводились.

Оригиналы актов в результате событий, связанных с разделами Речи Посполитой были разделены и в настоящий момент хранятся в различных архивах. Письмо, в котором Анна ручается

за своего супруга перед Ягайло, находится на хранении в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (Российская федерация) [10]. Второе письмо, в котором княгиня ручается за Витовта перед польской королевой Ядвигой, хранится в частном фонде Чарторийских в Кракове (Польша) [9].

Островские акты несколько раз публиковались целиком на языке оригинала. Впервые один из трёх документов – присяга Анны королеве Ядвиге – был напечатан в 1876 году А. Соколовским и Ю. Шуйским на основании копии, выполненной в XIII веке А. Нарушевичем [3, с. 16]. В 1882 году А. Прохаска поместил текст второго письма княгини Анны в «Эпистолярном кодексе Витовта...» [4, с. 16]. Только в 1932 году С. Кутшеба и В. Семкович в «Актах унии Польши с Литвой» опубликовали оба письма княгини Анны вместе с Островским актом Витовта [1, с. 26–29].

Описание. Оба оригинальных документа Анны находятся в состоянии очень хорошей сохранности. Оба письма аккуратно написаны готическим минускулом одним и тем же неразмашистым почерком [9;10]. Оригинал письма с присягой княгини Анны Ягелло представляет собой пергаментный документ с размерами: высота – 31,5 см; ширина – 13 см; снизу пергамент завернут полосой 31,5 на 4,7 см.

Сквозь два отверстия, пробитых в документе и завернутой пергаментной полосе, пропущен шёлковый шнурок, сплетённый из нитей малинового и бронзового цветов. У концов шнурок скрепён неокрашенным воском, в центре которого находится оттиск круглой печати на красном воске диаметром 2,8 см. Оттиск изображает женщину, восседающую на престоле с двумя маленькими детьми на коленях. Изображение взято в крест, образованный четырьмя дугообразными линиями. Легенда печати расположена с краю по кругу между двух окружностей, составленных из соединённых между собой бусинок [10]. Оригинал письма с присягой княгини Анны Ядвиге представляет собой пергаментный документ с размерами: высота – 23,8 см; ширина – 15 см; снизу пергамент завернут полосой 23,8 на 4,3 см.

Сквозь два отверстия, пробитых в документе и завернутой пергаментной полосе, пропущен шёлковый шнурок, сплетённый из нитей малинового и бронзового цветов. Неокрашенная восковая часть привешенной печати повреждена снизу. Оттиск печати тот же самый, что и на первом документе [9].

На настоящий момент это единственная известная печать княгини Анны. Её ценность для исследователей, на наш взгляд, представляется огромной, поскольку печать, во-первых, содержит единственное прижизненное изображение княгини. Во-вторых, изображение детей на печати свидетельствует, как минимум о том, что Софья была не единственным ребёнком Витовта.

Датировка. Публикуя письма княгини Анны, А. Соколовски, Ю. Шуйски, С. Кутшеба, В. Семкович датировали его 4 августа 1392 года [3, с. 16; 1, с. 26–29]. Под этой же датой содержание одного из писем княгини пересказал в своей «Сокровищнице...» И. Данилович [5, с. 294]. Только А. Прохаска датировал документ Анны 5-м августа, что С. Кутшеба и В. Семкович сочли ошибкой [4, с. 16; 1, с. 16–29].

Ещё до недавнего времени большинство историков и архивистов, обращаясь к Островскому соглашению, однозначно указывали, что оно состоялось 4 августа 1392 года.

Основанием для этого послужила дата, проставленная в островских актах Витовта и Анны: «дано в острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй» [9; 10].

День Св. Доминика Католическая церковь отмечает 8 августа (в связи с этим в одной из своих статей я ошибочно датировал Островские акты именно так) [7, с. 29–30]. Однако до 1969 года, когда Папа Павел VI провёл реорганизацию литургического года, этот праздник отмечался 4 августа, что и дало повод историком датировать островские документы этим числом.

Праздник Св. Доминика отмечался католиками 4 августа тоже не всегда. Этот день был установлен согласно литургической реформе Папы Пия V в 1568 году вместе с введением Тридентского литургического календаря. До 1568 года день Св. Доминика отмечался 5 августа [2, с. 100].

Акты в Острове были написаны в 1392 году, то есть до каких-либо литургических изменений и должны быть датированы 5 августа. Соответственно требуется корректировка даты самого Островского соглашения: оно было заключено не 4-ого, а 5 августа 1392 г.

Форма. Оба письма княгини Анны написаны однотипно. Более чем на 90% их содержание дословно совпадает. Однако они значительно отличаются от Островского акта Витовта. Так в письмах Анны отсутствует, содержащаяся в документе её супруга преамбула: «В имя Господне

верую». Письма княгини не отражают обязательств по отношению к Ягайло, Ядвиге и Польской короне, которые взял на себя Витовт, а только ссылаются на них.

Письма начинаются с формального перечисления регалий, в которых подчёркнуты, очевидно, претензии Витовта (и соответственно его супруги) на владение Троками и Луцком: «*Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д.*»

В конце текстов засвидетельствовано то, что письма скреплены печатью Анны и указано место – Остров, а также время их написания – день Святого Доминика 1392 года [9; 10].

Содержание. Одно письмо Анны обращено королю Польши Ягайло (Владиславу), второе – к польской королеве, первой супруге Ягайло Ядвиге. Княгиня ручается, что её супруг Витовт будет придерживаться всех своих обещаний, изложенных письменно. Далее особо подчёркивается, что ни Витовт ни его потомки никогда не изменят Польской короне и будут сражаться против её врагов после того, как «*займёт свой пост*». О каком положении идёт речь ни из писем Анны, ни из акта Витовта неясно. Данная неопределённость привела к широкому распространению в историографии мнения, что в результате Островского соглашения Витовт принял титул великого князя литовского. На ошибочность данного суждения указывает как непосредственно сам Островский акт князя, так и некоторые другие документы. Особенно ярко о том, что Витовт позиционировался в указанное время не более чем один из «князей Литвы», свидетельствует Белзский документ Ягайло от 6 декабря 1392 года [9; 10]

Перевод (курсивом выделены различающиеся части)

1) Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д. свидетельствуем смиренно тем всем, кто (этот документ) получит, как в настоящем так и в будущем, что доброй нашей верой, без злых намерений и какого-либо злого умысла присягаем, в отношении царственного владыки господина Александра, по-другому Витовта, супруга нашего безмерно любимого, что всем и отдельным пунктам, изложенным и записанным в письмах своих, *царственному владыке господину Владиславу, королю Польши*, данных, смиренно следовать должен и везде нерушимо соблюдать их без обмана. И особенно, что тот же господин Александр, по-другому Витовт, супруг наш безмерно любимый, Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен, так же как и его потомки, всегда с *вышеупомянутым господином Владиславом, королём*, стоять и сражаться должен против его противников и врагов, как только пост свой займёт, и в вечные времена.

И мы, Анна вышеупомянутая, за всё вышенаписанное смиренно также присягу приносим и свидетельствуем без лукавства.

Эти письма скрепляя, наша печать привешена.

Написано и дано в Острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй [10].

2) Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д. свидетельствуем смиренно тем всем, кто (этот документ) получит, что доброй нашей верой, без злых намерений и какого-либо злого умысла присягаем, в отношении царственного владыки господина Александра, по-другому Витовта, супруга нашего безмерно любимого, что всем и отдельным пунктам, изложенным и записанным в письмах своих, *царственной владычице госпоже Ядвиге, королеве Польши*, данных, смиренно следовать должен и везде нерушимо соблюдать их без обмана. И особенно, что тот же господин Александр, по-другому Витовт, супруг наш безмерно любимый, Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен, так же, как и его потомки, всегда с *вышеупомянутой госпожой Ядвигой, королевой*, против её противников сражаться, как только пост свой займёт, и в вечные времена.

И мы, Анна вышеупомянутая, за всё вышенаписанное смиренно также присягу приносим и свидетельствуем без лукавства.

Эти письма скрепляя, наша печать привешена.

Написано и дано в Острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй [9].

Таким образом, Островские акты Анны представляют собой ценный исторический источник по сфрагистике, генеалогии, палеографии и истории. Они позволяют внести существенные корректировки в исторический нарратив, уточнить ряд аспектов, связанных с исследованием персоналий Витовта, Анны, а также расширить наши представления, касающиеся данного исторического времени.

1. Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791. – Kraków : Skł. gł. w księg. Gebethnera i Wolffa, 1932. – 570 s.
2. Calendarium Romanum. – Vaticana : Libreria Editrice Vaticana, 1969. – 177 p.
3. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. – T. 1. – Kraków : Drukarnia "Czasu", 1876. – 158 s.
4. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae: 1376–1430. – Kraków : Sumptibus Acad. 5. Literarum Cracoviensis, 1882. – 1113 s.
5. Daniłowicz, I. Skarbiec dyplomatów / I. Daniłowicz. – T. 1. – Wilno : W druk. A. Kirkora, 1860. – 391 s.
6. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig: verlag von S. 8. – Hirzel, 1863. – Bd. II. – S. 639–648.
7. Gagua, R. The Teutonic Order and the civil war between Vitautas and Skirgaila (1390–1392) / R. Gagua // Crusader. – 2016. – Vol. (3). – Is. 1. – P. 4–36.
8. Johanns von Posilge Chronik des Landes Preussen // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig : verlag von S. Hirzel. – 1866. – B. 3. – S. 121–134.
9. Kraków. – Muzeum Czartoryskich. – F. XX Czartoryskich. – Perg. 234.
10. ОР РНБ (Санкт-Петербург). – Coll. 204.12.

Шаповал-Конопацкая А.Г.
ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ЗАПАДНОГО РАСКОЛА 1378–1417 гг.

Екатерина Сиенская (1347–1380) относится к числу выдающихся личностей, игравших важную роль в жизни своего времени. Она являлась терциаркой доминиканского ордена, вела аскетический образ жизни, при этом стала известна благодаря своей активной политической и митротворческой деятельности. Екатерина оставила после себя множество писем и мистический трактат «Диалоги о божественном провидении». Екатерина причислена к лику святых католической церковью, признана одной из четырех женщин Учителей церкви. Ее по праву называют одной из самых почитаемых женщин в католицизме.

Положение католической церкви во второй половине XIV в. было крайне сложным: падение авторитета папства, глубокий моральный упадок служителей церкви всех рангов свидетельствовали о глубоком кризисе церкви. После возвращения в Рим из Авиньона в 1377 г. Григория XI и последовавшей затем его смерти в 1378 г. был избран папа Урбан VI. Новоизбранный папа оттолкнул от себя чрезмерной резкостью и деспотизмом своих бывших сторонников, среди которых были французский король Карл V и королева Иоанна Неаполитанская, а также представители высшего духовенства. Кардиналы, оставшиеся в Авиньоне, избрали другого папу, Климента VII. Это избрание положило начало Великой западной схизме в католической церкви, длившейся четыре десятилетия. Это событие Екатерина восприняла крайне болезненно, что нашло отражение в ее письмах.

Всего до нас дошли более 380 посланий Екатерины. Следует отметить, что все письма имеют единую структуру, обязательными элементами являются вступительная и заключительная формулы. Для начальной формулы характерно обращение к Христу и Богородице, что сразу определяло духовную перспективу письма, вне зависимости от его конкретного содержания, а также всегда присутствовало почтительное обращение к адресату, даже в тех посланиях, в которых в основной части Екатерина высказывает нелицеприятные суждения. Завершались все послания одной фразой: «Иисус сладостный, Иисус любовь». Также обязательным элементом писем Екатерины было обозначение себя как «рабы (слуги) рабов божьих», так она указывала на свою миссию на земле: служение людям и передача им божественного откровения, ниспосланного на нее. После вступительной фразы Екатерина переходит к изложению цели послания, часто с указанием конкретных действий, которых она ожидает от адресата. Следует заметить, что тон обращения к адресатам при изложении цели послания отличается в зависимости от описанной в письме ситуации: имеют место, как почтительное обращение, так и обвинения и угрозы. Характерным для писем Екатерины Сиенской являются также обращения к Новому Завету, использование его образов, в пересказе своими словами с пояснениями применительно к конкретным случаям. По Посланиям Екатерины, по мнению А.В. Топоровой, можно даже назвать небольшими проповедями, но обращенными не к большой аудитории, а к одному человеку [3, с. 104]. Адресатами были папы, кардиналы, епископы, особы королевской крови, представители городской власти и аристократии.

С посланиями она обращалась ко всем, кто, по ее мнению, может изменить сложившуюся ситуацию в церкви и пыталась по мере своих способностей преодолению раскола. В письме к Карлу V она убеждала его вновь оказывать поддержку Урбану VI и признать его истинным папой: «Я весьма удивляюсь, что католик, желающий стяжать страх Божий и быть мужественным, дает себя направлять, подобно ребенку, и не видит, что и себя и других обрекает на гибель, каковой является осквернение света святейшей веры советами и речами людей, чьи поро-